

Ю. В. Арутюнян

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ИЗМЕНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА НАЦИИ *

В наш век бурных социальных перемен и развертывания научно-технической революции, когда коренным образом меняются материальные основы жизни человеческого общества, усиливаются и преобразуются связи между народами, процесс интернационализации культуры, выработки новых форм, представлений, образцов поведения всемерно активизируется. В этих условиях особый интерес приобретает вопрос о судьбах национальной культуры. Как адаптируются ее традиционные формы к новой ситуации, каковы перспективы ее развития, как сочетается в национальной культуре своеобразное и общечеловеческое, как меняется система национальной культуры, соотношение ее отдельных элементов? *

Для многонациональной Советской страны эта проблема имеет особую актуальность и в то же время свою специфику. «В разнообразии национальных форм советской социалистической культуры все заметнее становятся общие интернационалистские черты»¹. Советский Союз являет миру как бы гигантский эксперимент чрезвычайно многообразного сочетания национальных культур, взаимодействие которых усиливается государственной общностью, единством экономики и идеологии.

Обобщение опыта культурного развития народов СССР представляет большой интерес для понимания не только нашей действительности, но и всемирно-исторических процессов.

Можно выделить три направления исследования культурно-национальных процессов. Одно — изучение самого культурного фонда нации, выяснение того, как меняется арсенал ее материальной и духовной культуры, как сочетаются в культурном фонде нации вертикальная информация (переданная предшествующими поколениями) и горизонтальная, все расширяющаяся под влиянием межнациональных контактов. Именно эти сюжеты довольно широко освещаются нашей литературой. Можно только пожелать большей систематичности в исследовании этих проблем, а главное, более широкого использования социологических методов для того, чтобы можно было представить фонд национальной культуры как систему.

Другое направление связано с выяснением механизма распространения культурных ценностей; исследованием характера контактов и культурного общения между нациями.

Но есть и третий — пожалуй, решающий — аспект, который пока недостаточно разработан общественными науками. Речь идет о результате культурного взаимодействия, о том, как в итоге межнациональных контактов, связей, обмена распределяется культурный фонд нации, как усваивается культура, в какой мере она становится реальным достояни-

* По материалам экспериментального исследования в Грузии.

¹ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, «Правда», 22 декабря 1972 г.

ем народа. Эти вопросы приобретают особенную остроту в современных условиях, когда культурный фонд обогащается прежде всего за счет профессиональных форм. Может быть, для ранних эпох развития человечества вопрос о потреблении культуры был бы праздным. Когда господствовали фольклорные формы, производство культуры практически совпадало с ее потреблением. В профессиональной же культуре отражаются не только взгляды всего общества, но и специфические взгляды и вкусы той части интеллигенции, которая профессионально занимается «производством» культуры. Очевидно, что эти специфические взгляды, вкусы и запросы, отражая общенациональные, не могут автоматически с ними совпадать.

Речь, таким образом, идет об исследовании восприятия культуры народами разными слоями и группами, то есть по существу о культуре в массах, а значит об изменении культурного облика нации во всем ее социальном разнообразии.

В данной статье сделана попытка обобщить некоторые результаты экспериментального исследования, проведенного в Грузинской ССР (1971 г.) по программе «Оптимизация социально-культурных аспектов развития и сближения наций в СССР»². Хотя это исследование было основано на небольшой выборке, обобщение его итогов, как нам кажется, может быть полезно для уточнения некоторых представлений о развитии культуры нации.

* * *

В задачу исследования входила не только проверка инструментария, но и получение содержательных результатов о различиях в потреблении культуры отдельными группами населения, о соотношении традиционного и современного, национального и интернационального в их культурном облике. Для этого необходимо было выбрать полярные объекты, которые и при малых выборках позволили бы судить о своеобразии процессов в разных группах населения. Были взяты два научных учреждения АН Грузинской ССР: Институт механики машин и Институт языкознания, представляющие два высококвалифицированных отряда научной интеллигенции — технической и гуманитарной. В каждом из институтов была опрошена половина научных сотрудников, отобранных методом случайной механической выборки. Еще одним объектом был аппаратный цех электровозостроительного завода Тбилиси, где были опрошены все инженерно-технические работники и половина квалифицированных рабочих. Наконец, опрос проводился в селе Ихалто Телавского района — центре колхоза им. Ш. Руставели³.

Выбранные нами объекты находились на разной степени удаленности от комплекса «традиционной культуры». Село, по нашему предположению, должно было показать наибольшую сохранность этого комплекса. В городе тяготение к традиционной культуре должно было убывать по мере роста образования и усложнения профессиональных ролей. Программа исследования предусматривала выяснение соотношения традиционного и современного не только в реалиях материальной и духовной жизни, но и в ценностных ориентациях, представлениях людей. Последнее имело, на наш взгляд, особое значение, так как для прогнозирования необходимо выявить не только фактическое распространение тех или иных национальных форм культуры, но и культурную ориентацию населения, отражающую его потребности.

В исследование «закладывались» два континуума культурных ориентаций. Один предназначен был выявить изменение вкусов, интересов, пред-

² В экспедиции участвовали сотрудники Ин-та этнографии АН СССР, а также отдела социологии Ин-та истории и этнографии АН ГрузССР, которым автор выражает свою признательность.

³ На всех выделенных объектах опрашивались только грузины.

ставлений от «традиционного» к «современному». Предстояло определить, какие группы (профессиональные, возрастные и т. п.) и в какой мере привержены к традиционным обрядам, обычаям, народным формам искусства (музыке, танцам и т. п.), а кто больше предпочитает современные образцы поведения, современные профессиональные формы литературы и искусства. Второй континуум предназначен был зафиксировать изменение типов ориентаций от «узконационального» к «интернациональному». Под узконациональными подразумевались ориентации только на свою национальную культуру (музыку, танцы, литературные произведения и т. п.); интернациональные ориентации предполагали наличие широких интересов и знание культуры как своего, так и других народов.

Исследование обнаружило неоднородность и различные тенденции в направлении ориентаций, причем эти различия зависели не только от социально-профессиональных характеристик обследованных, но и от той сферы культуры (материальной, духовной, языковой и пр.), в которой проявлялись эти ориентации.

При всей условности деления культуры на духовную и материальную, такой подход оказался целесообразным, так как в этих двух сферах проявились в какой-то мере противоположные тенденции или, лучше сказать, культурные ориентации населения.

Начнем с материальной сферы. Известно, что в область материальной культуры традиционно включаются жилище, интерьер, одежда, пища, хозяйственные постройки, орудия производства и т. д. Мы не считали целесообразным просто фиксировать интернациональное и интонациональное в этом обычно принятом наборе. Задача состояла в том, чтобы выявить национальные ориентации, национальные предпочтения, вкусы и затем скоррелировать их с реальными элементами культуры. Можно ли было ожидать, что в предметах материального быта проявится национальное предпочтение? Вряд ли. В такой индустриально развитой республике, как Грузия, с урбанизированным населением, промышленность прочно программирует потребности людей. Этнографические наблюдения говорят о том, что материальные элементы народной культуры сохраняются лишь в отдельных уголках, чаще всего в высокогорных районах республики. Да и здесь их бытование не является результатом свободного выбора или какого-либо национального предпочтения. Вообще по наличию тех или иных форм материального быта нельзя адекватно судить о национальных предпочтениях в материальном быту. Жилище или интерьер могут быть унаследованы и приняты по необходимости из-за отсутствия средств для нововведений. Поэтому, чтобы судить о национальном предпочтении в быту, необходимо выделить динамичные элементы, которые в наибольшей степени могут быть свободно избраны, гибко отражают потребности и возможности индивида. Основываясь на нашем опыте и на опыте, накопленном этнографами, мы выделили сравнительно легко изменяемые элементы интерьера и пищу. При этом изучался не фактически существующий интерьер и употребляемая пища, а проективная ситуация: опрашиваемому предлагалось представить себе, что он ничем не стеснен, в частности материально, и имеет возможность в соответствии со своими потребностями обставить жилище или выбрать пищу. Уже потом выборы интервьюируемого оценивались исследователями и классифицировались в зависимости от степени выражения в них национальных предпочтений.

В результате в интерьере мы не заметили каких-либо выраженных различий по национальным предпочтениям между социально-профессиональными группами. Даже рабочие и колхозники, вопреки априорному ожиданию, не проявили устойчивого интереса к традиционным формам. В выборе интерьера не было господства традиционной окраски, доминировали практические соображения: важно, чтобы убранство, мебель и т. д.

были удобны, современны и красивы. Известное, очень слабое предпочтение в пользу национального интерьера высказали как раз наиболее образованные группы. (Ни в одной социально-профессиональной группе однако это число не превышало 20%).

Что касается пищи, то здесь выборы были также исключительно ситуационные. Во всех группах в одинаковой мере преобладало предпочтение национальной пищи, так что нельзя было зафиксировать постепенное уменьшение тяги к национальному с ростом образования. Однако и здесь доминировали практические соображения, а не национальные вкусы.

В целом материальный быт в развитом урбанизированном обществе никак не может быть заповедником национального, ибо материальное производство не связано с национальными предпочтениями. Крупное промышленное производство предоставляет богатый выбор предметов потребления, и традиционное местное производство, конечно, не выдерживает соперничества. Массовое производство и массовое потребление взаимосвязаны. Это тем более верно для Советского Союза с его единой системой экономики и разделением труда в масштабах всей страны. Конечно, и в массовом производстве могут отражаться национальные вкусы, национальные традиции, особенно когда дело касается строительства, архитектуры. Но это затрагивает ограниченные области и не связано с индивидуальными выборами.

Все сказанное не означает, что в определенной ситуации какие-то элементы материальной культуры не могут превратиться в национальные символы. Однако чаще эти предметы не столько отражают реально существующий народный быт, например, русские матрешки и самовары, сколько предназначены для удовлетворения неумейной страсти туристов и потребности в экзотике. Конечно, в определенных условиях национальное самосознание может «прятаться» даже и в складках одежды или допустим в специфических формах головного убора. Но первично и в этом случае национальное самосознание, то есть в подобных ситуациях можно говорить о материальном выражении национального самосознания, а не о каких-либо устойчивых исторически обусловленных национальных предпочтениях в материальном быту.

Развитие промышленных форм материального быта в условиях единой в масштабах страны экономики детерминирует тенденцию такого развития материальной культуры, при котором она по существу чем дальше, тем больше интернационализируется.

Совершенно иные тенденции наблюдаются в развитии духовной культуры, духовном облике народа. Здесь так же, как и в материальном быту, в условиях Советского государства существует прочная общность. Она обусловлена единством политической системы, мировоззрения и идеологии. Но единая мировоззренческая и идеологическая база культуры не характеризует полностью всего содержания культуры и ее национальных форм. Известно, что в области духовной культуры происходят очень существенные изменения, связанные с постепенным стиранием и, в конечном счете, с исчезновением некоторых традиционных форм. Речь идет прежде всего об обрядности.

Логика развития здесь такова: с ростом образования человека, изменением его потребностей теряют почву и постепенно отмирают те формы культурной жизни, те культурные традиции, которые в наибольшей степени ограничивают самостоятельность в поведении человека. Надо сказать, что эта тенденция часто остается незамеченной многими специалистами. Выступая за новую обрядность, они не понимают, что строго регламентированная обрядность при той высокой степени урбанизации, которая уже достигнута в нашей стране, вообще мало перспективна, относительно живучими могут быть лишь необязательные, гибкие формы ее, варьирующие в зависимости от социального опыта и потребности людей.

Не случайно с ростом образования населения в первую очередь отмирают именно жесткие ритуальные формы обрядовой жизни.

В качестве индикатора в системе обрядов (свадебный, погребальный, связанный с рождением ребенка и т. д.) мы выбрали свадебный. Мы исходили из того, что он довольно устойчив и предполагает наибольшую заинтересованность в самостоятельном решении. Исследование выявило очень жесткую зависимость между квалификацией и образованием, с одной стороны, и национальными предпочтениями в обрядовой жизни — с другой. Например, среди научных работников предпочитают национальную свадьбу до 20% опрошенных, у рабочих — до 50%, а среди колхозников — 70%. Чем выше образование и квалификация, тем меньше национальных предпочтений в обрядах. Одновременно выяснялась разница между национальными предпочтениями и фактически бытовавшей свадьбой. Это обстоятельство важно для прогноза. Допустим, если у опрашиваемого свадьба была «национальной», а теперь он не отдает ей предпочтения, значит национальная обрядовая жизнь теряет ценность с течением времени даже в глазах того поколения, которое приживалось обрядов, и наоборот, если не справлялась национальная свадьба, а теперь опрашиваемый отдает предпочтение национальной свадьбе, ценность национальной обрядности имеет тенденцию возрастать. Исследование не обнаружило каких-либо существенных разрывов между формами, бытовавшими и предпочитаемыми, что свидетельствует о не столь быстром отмирании этой стороны обрядовой жизни среди рабочих и колхозников.

Особенно интенсивно с ростом квалификации отмирают архаические формы традиционной культуры, связанные с религией. Резко уменьшается по мере роста образования доля верующих, среди интеллигенции очень редко соблюдают обряд крещения детей, редко справляют пасху и другие религиозные праздники, тогда как среди промышленных рабочих и особенно сельских жителей не менее половины соблюдают праздники (это, конечно, не означает, что все они религиозны).

Если архаические, во многом пережиточные формы традиционной культуры имеют склонность к исчезновению или проявляют тенденцию к затуханию, то сохраненные живые формы национальной культуры довольно устойчиво сохраняются во всех группах населения, включая интеллигенцию. Обнаружилось, что среди грузинской научной интеллигенции популярны национальная музыка, песни, танцы. Около половины опрошенных в Ин-те механики машин и Ин-те языкознания любят грузинские народные танцы (соответственно 52 и 55%). В то же время здесь довольно высок процент сотрудников, которым нравится классический балет (соответственно 37 и 48%). Промышленные рабочие, инженеры, сельские жители отдают явное предпочтение грузинской народной музыке и народным танцам (правда, техническая интеллигенция в равной мере тяготеет и к эстраде). При всем различии между научной интеллигенцией и другими слоями населения в уровне культурных запросов, их объединяет любовь к национальным формам. Напрашивается очень существенный вывод: научная интеллигенция, более образованная и высококвалифицированная, отражая тенденцию общего развития, резко расширяет диапазон своих культурно-эстетических вкусов, но одновременно стремится сохранить национальное культурное наследие (см. табл. 1).

Следует отметить, что расширяющаяся по мере роста образования культурная ориентация народа не всегда достаточно учитывается в культурной деятельности некоторых учреждений. Не обеднялось ли, например, представление о современной культуре народа, когда во время массовых и представительных культурных праздников демонстрировались главным образом старинные фольклорные формы искусства?

В современном обществе взаимопроникновение культур наиболее активно происходит путем усвоения профессиональных форм, разрабо-

Культурно-эстетические запросы
(в % к общему числу опрошенных в каждом коллективе)

Вопрос: На какой концерт Вы предпочли бы пойти?	Народной музыки			Симфонической музыки			Эстрадной музыки		
	грузинской	русской	запад- ной	грузин- ской	русской	запад- ной	грузинской	русской	запад- ной
Коллективы опрошен- ных									
Ин-т механики машин	0	0	0	15	11	26	22	15	11
Ин-т языкознания	18	3	3	12	6	40	12	8	0
Завод	29	16	0	3	0	0	39	8	5
Колхоз	34	11	0	2	4	9	30	6	4

тантных другими народами. Народные формы искусства сохраняют свое значение, переплетаясь с профессиональными. Многие профессиональные формы логически продолжают народное искусство и имеют выраженную национальную окраску. Национальный грузинский фонд удовлетворяет интерес к народной и лишь частично к симфонической музыке. Здесь, по-видимому, сказывается абсолютный уровень развития того или иного вида профессионального искусства. Грузинская эстрада достаточно развита и может в достаточной мере удовлетворить потребности населения в этом жанре. Что касается симфонической музыки, то здесь, в первую очередь, отдается предпочтение Бетховену, Моцарту.

Если в сферах культуры, не связанных с языком, происходит логическое развитие собственной знаковой системы, то в языковых — выход за пределы национальных рамок предполагает освоение той знаковой системы, на которой функционирует интернациональный фонд. В Советском Союзе такую роль выполняет русский язык, который облегчает доступ как к русской культуре, так и к сокровищницам мировой культуры. Естественно, чем квалифицированнее профессиональная группа, чем она образованнее, тем лучше и глубже ее знание русского языка, который необходим для выполнения повседневных функций работников, занятых квалифицированным трудом.

Таблица 2

Степень знания языков
(в % к общему числу опрошенных в каждом коллективе)

Коллективы опрошенных	Говорит по-русски, но несвободно	Говорит по-русски хорошо, но хуже, чем по-грузински	Свободно владеет обоими языками
Ин-т механики машин	15	37	48
Ин-т языкознания	24	52	24
Завод	50	40	10
Колхоз	60	30	10

Но что особенно примечательно — даже те, кто совершенно свободно владеют русским языком, как правило, так же хорошо знают свой родной язык. Это значит, что перспективной формой развития языковых процессов в исследуемом регионе является двуязычие.

Здесь так же, как и в предыдущих случаях, при анализе живых форм национальной культуры подтверждается общая закономерность: расширение культурных запросов, их интернационализация означают всемерное расширение культурного диапазона в целом, появление новых по-

требностей при сохранении старых, связанных с национальными формами.

Материалы исследования дают также возможность составить известное представление о способах взаимопроникновения национальных культур. Чем более развита профессиональная культура, тем более она интернациональна, тем больше проявляет она способности к диффузии. Не случайно русские традиционные формы культуры, связанные с ранними этапами развития общества, менее популярны в грузинском народе, чем более современные профессиональные. О большом уважении грузинского народа к деятелям профессиональной культуры как русской и западной, так и национальной, свидетельствуют данные табл. 3.

Таблица 3

Культурные ориентации
(в % к общему числу опрошенных в каждом коллективе)

Вопрос: Назовите самых выдающихся с Вашей точки зрения деятелей культуры	Назвали деятелей культуры		
	грузинских	русских	западных
Коллективы опрошенных			
Ин-т механики машин	56	89	85
Ин-т языкознания	66	79	79
Завод	63	29	21
Колхоз	70	30	22

Возникает вопрос, как под влиянием значительного расширения потока информации, активизации межнациональных контактов, развития собственной национальной культуры меняются психологические установки людей, их представления, ценностные ориентации и, наконец, образцы поведения. Другими словами, вопрос можно сформулировать так: насколько потребляемая культура «усваивается», внедряется в сознание и определяет мотивы и поступки.

Развитие процессов интернационализации идет по убывающей от материальной культуры к духовной. В сфере духовной культуры «психологический участок» — зона наиболее глубокого залегания национального своеобразия, которое проявляется в формах повседневной бытовой жизни, в семейно-бытовых представлениях и поведении, в системе ценностных ориентаций. Тем не менее и эта зона, судя по имеющимся материалам, подвергается активным изменениям, соответствующим общей логике развития. Все более ценится самостоятельность в личной и общественной жизни, отвергаются жесткие формы поведения, которые диктовались прежними патриархальными условиями. Это проявляется и в семейном быту, и в наборе моральных, нравственных ценностей, и в системе общественно-политических ориентаций. Например, в семейном быту с ростом образования и квалификации возрастает самостоятельность по отношению к родителям. В качестве индикатора для этого суждения может, например, служить ответ на вопрос: «Обязательно ли получать согласие родителей при вступлении в брак?». Доля людей, отвечающих положительно на этот вопрос, последовательно увеличивается от технической интеллигенции к гуманитарной, затем к рабочим и сельским жителям. Среди сотрудников Ин-та механики машин 19% считают, что при вступлении в брак «совершенно необходимо получать согласие родителей», в Ин-те языкознания — 31%, на заводе и колхозе соответственно 37% и 54%. Более квалифицированные и образованные опрашиваемые чаще выступают за предоставление женщине активных общественных ролей. Для них меньше значит хозяйственность женщины, но возрастает значе-

ние общественной роли женщины, ее участия в общественном труде⁴. В образованных семьях важные вопросы супругами чаще (чем в менее образованных) решаются совместно. Независимо от занятости, научные сотрудники больше помогают женам в хозяйстве: так, в семьях сотрудников Ин-та механики машин и Ин-та языкознания лишь 7—10% мужей вовсе не помогали в хозяйстве женам, на заводе — 17%.

Что касается общественно-производственных ценностей, то в более образованных группах, в первую очередь, среди научной интеллигенции, высоко ценится инициатива. Из традиционных ценностей от малообразованных групп к образованным снижается роль «материального достатка», «спокойствия» и возрастает значение «интересной работы», «условий для творчества», «успеха». Характерно, например, что «интересная работа» не только в научных учреждениях, но и на заводе оценивается выше, чем материальный достаток. Отсутствие ориентации на «богатство» и тенденция к снижению ориентации на «материальный достаток» — специфический результат не только идеологического воздействия, но и самой жизни, новой системы общественных отношений, при которых богатство, роскошь перестают быть источником общественного влияния и престижа.

Безусловна и универсальна для всех групп ценность семьи, функциональные роли которой в обществе ни в коей мере не исчерпаны.

Если говорить о широких социальных ценностях, то и здесь с ростом квалификации неуклонно повышается значение таких категорий, которые предполагают расширение инициативы, самостоятельности в общественной жизни. Общим и объединяющим для всех групп являются и многие другие ценности, косвенно отраженные, например, при определении опрашиваемыми актуальных и значимых для нашего общества проблем. При всем разнообразии набора этих проблем научные работники, рабочие и колхозники единодушно выдвигали на первые места борьбу за мир, воспитание молодежи и рост образования народа. В этих выборах четко проявляется объединяющая каждого забота о будущем страны.

Принципиальное сходство в ценностных ориентациях отражает идейное единство советского общества. Господство марксистско-ленинского мировоззрения, общих нравственных норм сближает нации и, наряду с экономикой и политикой, создают нравственно-культурную основу новой исторической общности — советского народа.

Таким образом, наши данные позволяют утверждать, что национальная культура как система, постепенно меняется, вытесняются одни формы, развиваются другие, приспосабливаясь к новым условиям производства и потребления. В целом национальная культура не просто обнаруживает стойкость, но и активно развивается в наиболее прогрессивных своих сферах, имеющих, как правило, интернациональное выражение и, следовательно, «общий язык» с другими нациями.

«Расцвет, сближение и взаимообогащение культур социалистических наций и народностей», как это отмечается в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», стали закономерностью в духовной жизни народов СССР.

Как влияют эти изменения в культуре на систему национально-психологических ориентаций, национальные установки, национальные отношения? Это другой, весьма актуальный вопрос, настоятельно требующий ответа.

⁴ В обследованных институтах среди наиболее ценимых качеств женщины одинаково часто отмечали «преданность делу и активность» и «хозяйственность, домовитость», на заводе же и в колхозе «хозяйственность» выбиралась в 2—3 раза чаще, чем «активность».

Когда мы говорим о национальных отношениях в данном исследовании, мы имеем в виду не институциональные отношения, то есть осуществляемые на уровне формальных организаций, а личностные, проявляющиеся в личном общении.

Существует несколько упрощенное понимание механизма взаимодействия культурных изменений и межнациональных отношений. Иногда считается само собой разумеющимся, что интернационализация культуры, взаимный обмен наций культурными ценностями чуть ли не автоматически приводят к оптимизации национальных отношений и национальному взаимопониманию. Нам уже неоднократно, ссылаясь на материалы конкретно-социологических исследований, приходилось опровергать такую упрощенную точку зрения⁵. Данное исследование вновь подтверждает, что между культурными и национально-психологическими ориентациями нет прямой и однозначной связи⁶. Так, научная интеллигенция, которая проявляет большой интерес к интернациональной культуре, далеко не в той же «пропорции» высказывает благоприятные установки в национальных отношениях. Это позволяет предполагать, что мы имеем тут дело с двумя самостоятельными системами ориентаций. Для проверки этой гипотезы был проведен латентно-структурный анализ национально-культурных отношений и национально-психологических установок. По сочетанию ответов на вопросы, которые свидетельствовали о культурной и затем о психологической ориентации, были построены специальные упорядоченные шкалы. Коэффициент ранговой корреляции между двумя системами, выраженными этими шкалами, оказался незначительным, что еще раз подтвердило гипотезу, выдвинутую нами в предыдущих исследованиях.

Уже на ранних этапах нашей работы мы предполагали, что система национальных отношений зависит не столько от культурных ориентаций и степеней интернационализации культурного облика человека, сколько от сложного сочетания социально-профессиональных интересов. Национальные отношения — суть часть социальных отношений, и они детерминированы социальными интересами и социальными потребностями в широком плане. Национальные отношения — лишь определенная проекция социальных отношений, специфическая форма их выражения. Конечно, знание культуры других народов облегчает взаимопонимание между людьми. Они как бы приобретают общий язык. Еще из опыта первобытных обществ, описанных классической этнографией, известно, что племена тем больше враждовали друг с другом, чем хуже они знали друг друга.⁷

Не случайно отношение к национальным контактам (национально-психологические установки) очень тесно коррелируется с социально-профессиональной ситуацией. Фактическое поведение человека не всегда полностью согласуется с его национально-психологическими установками. Недостаточно благоприятные ориентации на межнациональные контакты могут сопровождаться вполне интернациональным фактическим поведением. И действительно, в среде национальной интеллигенции особенно интенсивны связи с людьми других национальностей. Среди

⁵ Ю. В. Арутюнян, Опыт социально-этнического исследования, «Сов. этнография», 1968, № 4; его же, Конкретно-социологическое исследование национальных отношений, «Вопросы философии», 1969, № 12.

⁶ О национально-культурных ориентациях судили по сочетанию ответов о знании языка, чтении литературы, знании деятелей культуры, по национальным предпочтениям в искусстве. Национально-психологические ориентации устанавливались по сочетанию ответов об отношении к работе в национально-смешанном коллективе, к национально-смешанным бракам и т. п. Фактическое «этническое поведение» оценивалось в зависимости от интенсивности реальных контактов с представителями других национальностей — деловых, дружеских, семейных.

⁷ См.: С. Н. Артановский. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур, Л., 1967, стр. 10—11.

них гораздо больше людей, чем в других группах, имеют друзей другой национальности и чаще состоят в национально-смешанных браках, они читают больше литературы на других языках и активно вступают в различные формы общения с людьми другой национальности (см. табл. 4).

Таблица 4

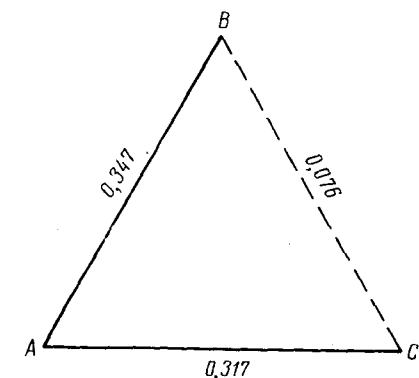
Межнациональные личностные контакты
(в % к числу опрошенных в каждом коллективе)

Коллективы	Жена или муж негрузины	Имеют близких друзей другой национальности	Имеют родственников другой национальности
Ин-т механики машин	12	33	63
Ин-т языкознания	8	45	72
Завод	2	21	48
Колхоз	2	18	45

Межнациональные личностные контакты (национальное поведение) — равнодействующая, связанная с множеством факторов, среди которых примерно равновеликую роль играют как национально-культурные ориентации, так и национально-психологические установки, слабо, одна-

ко, между собой связанные или вообще не связанные. Для наглядности выявленные связи можно представить себе в виде треугольника, где угол А обозначает национальное поведение, угол В — национально-психологические установки и угол С — национально-психологические ориентации (см. график).

Проведенный анализ может иметь существенное значение для управления национальными и культурными процессами. Становится очевидным, что влияние на культурные изменения и национальные установки требует системы мероприятий разного порядка. Между тем довольно часто предполагается, что мероприятия, способствующие расширению культурно-национальной ориентации народа — декады культуры республик, переводы литературных произведений с языков других народов, межреспубликанский обмен теле- и радиопрограммами и пр. — чуть ли не механически способствует росту положительных национально-психологических

Связь национального поведения (А), национально-психологических установок (В) и национально-культурных ориентаций (С). Теснота связи между перечисленными факторами выражена в коэффициентах ранговой корреляции Кендэла. Работа выполнена сотрудником сектора социологических исследований Ин-та этнографии АН СССР А. А. Сусоколовым

ориентаций. Как показывают наши данные, ожидать автоматического изменения национальных установок только под влиянием культурного воздействия не приходится.

Расширение диапазона культурных ориентаций, знание других народов, их культуры, языка, бесспорно, способствуют устранению остатков национального предубеждения той части населения, которая в силу низкого уровня образования, малоподвижного образа жизни проявляет консервативность и избегает контактов с людьми, чей образ жизни не соответствует их жестким традиционным представлениям. Что касается образованной части населения, занимающейся квалифицированным тру-

дом, то на их национально-психологические ориентации может подействовать лишь определенно выраженная, специально направленная культурная информация. Гипотетически, однако, можно допустить, что большую роль в детерминации национально-психологических установок этой категории населения играет система социально-экономических мер, затрагивающая непосредственные социально-профессиональные интересы. Таким образом, в национально-культурной политике необходим дифференцированный подход к различным группам населения и разным сторонам общественной жизни.

Разумеется, сделанные выводы не носят окончательного характера, однако, имеющиеся наблюдения дают, как нам кажется, основание для выдвинутых в статье теоретических предположений.

ON CERTAIN TRENDS IN A NATION'S CULTURAL PATTERN

The earliest results of a sociological study by the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences are summarized in the article, the program of the study being: «The optimization of social and cultural conditions for the development and rapprochement of nations in the USSR». Three elements of national-cultural development are envisaged: 1) changes in the nation's own cultural stock; 2) the process of interaction between the cultures of different nations; and 3) the result of such interaction. Of these three elements accent is made upon the last, i. e. the internationalization of a people's cultural aspect, the reception of various elements from a different culture by individual strata and groups. Groups of different types have been taken as objects of study: scientists (specialists in linguistics and in mechanics) factory workers, and collective farmers. The material adduced in the article clearly shows the rapid unification of material culture; at the same time, the intellectual culture of other peoples is being mastered, while the people's own cultural stock is also preserved. While archaic and largely vestigial forms of traditional culture tend to disappear or to fade gradually, living modern forms of national folk culture (such as songs and dances) achieve a fairly high level of stability among all groups including the intelligentsia.
